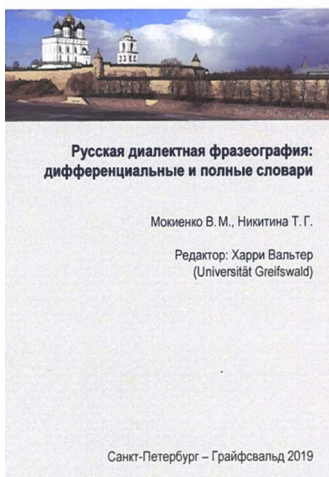

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.17223/22274200/18/11

UNIVERSITÄT GREIFSWALD
Wissen lockt. Seit 1456

Рецензия на книгу: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Русская диалектная фразеология: дифференциальные и полные словари / Ред. Х. Вальтер. СПб.–Greifswald: СПбГУ-Universität Greifswald, 2019. 310 с.

Рассматриваются вопросы лексикографического описания фразеологии русских территориальных и социальных диалектов. Особое внимание уделяется проблемам словарной репрезентации фразеологической семантики, историко-этимологического комментирования фразеологизмов и отражения особенностей их функционирования в современном социокультурном контексте. Книга предназначена филологам, культурологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами русской фразеологии и лексикографии.

Как известно, один из первых докладов по народной фразеологии был представлен Борисом Александровичем Лариным на конференции диалектологов, которая состоялась в 1959 г. в Киеве. По словам Б.Н. Ларина, с XIX в. и до 1970-х гг. этнографы и фольклористы при описании пословиц и поговорок стремились «уловить “дух народа”, его поэтическую “душу”», что приводило к ошибочным историческим и этимологическим толкованиям (с. 5)¹.

Только в последние десятилетия теоретическая фразеология, соединяясь с практическими исследованиями диалектных фразеологизмов, начала приносить свои плоды, результатом чего стали не только статьи и монографии, посвященные проблемам описания диалектной

¹ Здесь и далее даются ссылки на рецензируемую монографию в тексте в круглых скобках.

идиоматики, но и диалектные словари русского языка, которые обогатили русскую диалектную фразеологию как самостоятельное научное направление.

В настоящее время группой фразеологов Санкт-Петербургского университета под руководством профессора В.М. Мокиенко разработана концепция «Полного фразеологического словаря русских народных говоров» (ПФСРНГ), специализированного продолжения монументального академического «Словаря русских народных говоров». В ПФСРНГ будет представлено системное и комплексное описание более 140 тыс. русских диалектных фразеологизмов, включенных в современные диалектные словари, а также собранных членами проектной группы. При описании фразеологических единиц авторы предлагают использовать переосмысленные постулаты диалектной фразеологии, уточненные взгляды на фразеологизм как объект лексикографического описания, усовершенствованную региональную и стилистическую квалификацию идиом, объективное культурологическое и историко-этимологическое комментирование диалектных фразеологизмов. Это позволит унифицировать подачу фразеологического материала, соотнести варианты и синонимы, описать семантику идиом и их стилистические особенности. Таким образом появляется возможность выявить специфику диалектной фразеологии, более детализированно репрезентировать фразеологическую картину мира, благодаря чему мы сможем лучше понимать «процессы обогащения современного русского литературного языка средствами разговорной региональной речи» (с. 8). Тем не менее при всем уважении к грандиозным планам лучших российских фразеологов отметим, что название словаря «Полный фразеологический словарь русских народных говоров» многообещающее, однако, как показывает опыт, абсолютно в научной сфере (к счастью или к несчастью) вряд ли достижимо.

Рецензируемая монография состоит из трех глав, каждая из которых, безусловно, могла бы стать самостоятельной научной темой.

В книге представлены результаты масштабного исследования, но рамки рецензии позволяют остановиться лишь на некоторых из них.

В первой главе «Диалектная фразеология и принципы ее словарного описания» авторы рассматривают спорные вопросы фразеологической теории и практики, а также предлагают решение этих вопросов.

К таким вопросам относятся прежде всего определение понятия фразеологической единицы (ФЕ), объём, объект и границы фразеоло-

гии (с. 10). В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина справедливо полагают, что «расширительность» по отношению к фразеологии и узкое понимание фразеологической единицы являются деструктивными крайностями, так как ни тот, ни другой подход не позволяет обойти «подводные камни» фразеологии. В связи с этим вполне логичен вывод, что «следуя максимально широкому подходу к фразеологии, составитель словаря оказывается в принципе неспособен описать все виды комбинаций слов, теоретически относимых к ней, а стремясь к полной минимизации объекта описания, предлагает лишь фрагменты материала, который интуитивно ищет читатель идиоматического словаря» (с. 12).

По мнению авторов монографии, одно из решений проблемы объема и границ фразеологических единиц – создание словарей комбинированного типа, например словарь крылатых слов [1], словарь народных сравнений [2], словарь речевого этикета [3] и др.

В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина считают наиболее актуальным для лексикографической прагматики метод словарных толкований, который предложили А.М. Мелерович [4. С. 35] и В.П. Жуков [5. С. 39–40]. Этот метод основан на сопоставлении развернутого толкования ФЕ с ее структурной схемой, благодаря чему можно установить особенности со-функционирования компонентов ФЕ со словами свободного употребления. С помощью названного метода определяется степень их семантической самостоятельности.

Сложность вопроса о взаимодействии «ФЕ – слово» приводит к разнобою при фиксации устойчивых словосочетаний в словарях. В общих словарях фразеологические единицы, как правило, оказываются в конце словарной статьи. В специальных фразеологических словарях нет единообразия при выборе опорного / стержневого / грамматически доминантного слова. И в обоих случаях читатель испытывает затруднения в поиске нужного фразеологизма. В связи с этим В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина утверждают, что «место расположения ФЕ в словаре должно определяться сугубо прагматически, формально, а не на основе общетеоретических интерпретаций типологии взаимодействия компонентного состава этой языковой единицы» (с. 15).

Еще одной нерешенной проблемой фразеологии является установление грамматического значения ФЕ, что необходимо для лексикографического воплощения теории грамматической асимметрии идиом.

Сегодняшняя задача фразеологов – определить свою позицию в вопросе о функционально стилистической квалификации ФЕ. В ходе

экспериментальных исследований было установлено, что большая часть славянских ФЕ относится к разговорно-просторечному дискурсу [6], и, кроме того, наблюдается «количественный и качественный перевес негативно оценочной семантики над оценочностью позитивной» (с. 18).

С развитием таких научных направлений, как лингвострановедение, культурология, когнитивная лингвистика, связана проблема разработки культурологического параметра фразеологии. Выявление национальной специфики ФЕ должно осуществляться, по мнению авторов, на основе межъязыкового сопоставления и погружения в исторический контекст, что находит свое отражение в двуязычных и многоязычных, лингвострановедческих, лингвокультурологических и этимологических словарях и справочниках.

В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина определяют программу максимум для славянской фразеологии, в соответствии с чем должны быть созданы:

- 1) сводные национальные фразеологические тезаурусы, т.е. словари полного типа с комплексными параметрами словарной статьи;
- 2) полные идеографические, тематические и синонимические словари славянской фразеологии;
- 3) словари славянской фразеологической неологии;
- 4) большие словари диалектной (народной) фразеологии и фразеологические словари жаргона;
- 5) историко-этимологические словари фразеологии отдельных славянских языков, сравнительно-этимологический словарь славянских языков и словарь праславянской фразеологии (с. 19).

Неожиданно для нас прозвучала идея создания словарей «семейной» фразеологии. Эта бытовая сфера до сих пор остается недостаточно изученной, хотя предоставляет неисчерпаемый фразеологический материал, нуждающийся в осмыслении происходящих живых языковых процессов.

В этой же главе авторы монографии обращаются к истории научной школы профессора Б.А. Ларина, высоко оценивая вклад ларинцев в развитие диалектной лексикографии и фразеологии. «Характерными чертами этой школы стали общий филологизм, историзм, семантизм, лексикографизм и максимализм в полноте анализа языковых фактов» (с. 22). В рецензируемой книге подробно описываются разработанные Б.А. Лариным принципы лексикографии, на основе которых был создан петербургский паремиологический трехтомник:

- 1) лексикографическая полнота;
- 2) точная паспортизация материала;
- 3) временная и пространственная характеристика языковых единиц;
- 4) ретроспективная лингвокультурологическая характеристика;
- 5) комплексное описание вокабул.

Особое место в монографии отведено поговорке как основе диалектной фразеологии и объекту диалектной фразеологии. Под поговорками понимаются «меткие устойчивые выражения экспрессивно-образного типа, ярко характеризующих человека и окружающую действительность» (с. 36).

По критерию «соотнесенность с литературными выражениями и масштабности распространения в русскоязычной среде» авторы выделяют следующие типы диалектных фразеологизмов – поговорок:

– выражения, кодифицированные литературным языком: *съесть собаку*, *бить баклуши* и т.п.;

– яркие, меткие поговорки регионального масштаба: пск., новг. *съездить в Москву* – ‘о неудачной поездке куда-л., о слишком дорогой покупке’, ‘родить ребенка’ и др.;

– современные просторечные и жаргонные обороты: жарг.-разг. *накрыться (медным) тазом (тазиком)* – ‘умереть’, ‘не реализоваться, потерпеть крах (о планах, надеждах)’ и т.п.

Авторы признают, что выделение последней группы достаточно спорно, хотя предпринимают попытку доказать, что такого типа фразеологизмы могут быть отнесены к “социолектизмам”, поскольку используются в ограниченном социуме и, в ряде случаев, только на определенной территории.

При рассмотрении образных сравнений в диалектной речи и в словаре обращается внимание на «добавочность смысла» (термин Б.А. Ларина), которая очевидна в синонимическом ряду: *черный как ночь, как смоль, как вороново крыло* (характеристика волос); *черный как сажка или как уголь, как трубочист* (об испачкавшемся человеке); *черный головешка, как негр, как арап, как цыган, как шоколад* (об очень загорелом или смуглом человеке).

С точки зрения В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, по активности/пассивности употребления и частотности сравнения разделяются на три группы:

– образные сравнения, кодифицированные литературным языком: *голодный как волк, гол как сокол, трещать как сорока, злой как чёрт* и т.п.;

– меткие выражения регионального распространения: яросл. *ходить как Акулина* – ‘о ходящей в плохой, небрежной одежде женщине’, пск. *зырить (зырять) как вор на ярмарке* – ‘о воровато поглядывающем по сторонам, оглядывающимся человеке’ и др.;

– современные просторечные и жаргонные образные сравнения: мол. жарг. *как два байта переслать* – ‘о совершении чего-л. без труда, просто, быстро и сразу’; жарг.-прост. *пролететь как фанера над Парижем* – ‘упасть с большой высоты’, ‘сделать что-л. очень быстро’, ‘об обанкротившемся или понесшем большие финансовые потери человеке’ и т.п.

Авторы подробно анализируют уникальный «Большой словарь русских народных сравнений» [2], в который включено около 35 тыс. народных образных сравнений. При подготовке словаря авторы, с одной стороны, учли опыт составителей фундаментального собрания чешских сравнений, а с другой – использовали иные принципы описания фразеологического материала (детализированные характеристики; хронологическая маркированность сравнений; предельно точная паспортизация источника), что свидетельствует о достижениях российской фразеологической школы.

Приведем один из примеров такого описания в этом словаре: ОБ-ВИТЬ* *кого* как обвили. *Орл.* О человеке, которого чем-л. подчинили своей воле. <Обвить – по суеверным представлениям, подчинить колдовской, волшебной силе; околдовать. СОГ 8, 8. Ср. **словно околдовал кого**.

Диалектная фразеология предполагает исследование пространственных границ фразеологизма. Как утверждают В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина, «только на фоне общего по происхождению фразеологического фонда можно объективно констатировать параллелизм тех или иных русских диалектных фразеологических единиц с другими славянскими и европейскими» (с. 63). Такой ракурс дает основания решить еще одну важную задачу – создать лингвистический атлас по русской диалектной фразеологии.

На примере оборота *картошка в мундире* авторы монографии доказывают, что фразеоглоссы являются свидетельством компактности групп населения, которые обосновались на территории современного Подмосковья, а также «метками» продвижения носителей разных русских диалектов к Москве (с. 64).

Не менее интересна позиция В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной относительно сопоставления специфических диалектных фразеологиче-

ских единиц, используемых в зонах межкультурных контактов. Например, в псковских говорах встречаются ФЕ, образы которых могут трактоваться без учета балтийских или финно-угорских параллелей как проявление взгляда на мир, свойственного именно псковичам, что может быть ошибочно. Так, записанное в Печорском районе выражение *купить поросёнка в мешке* (ср. общерус. *купить котёнка в мешке*) свидетельствует о контактах псковичей с эстонцами: в эстонском языке это один из 110 вариантов данного интернационального оборота (с. 70).

Во второй главе «Концептуальное содержание и культурные коннотации фразеологизма в лексикографической репрезентации» представлена семантическая концепция Б.А. Ларина и историко-этимологический анализ фразеологических единиц; анализируется экспликация культурного фона фразеологизма в словарях разных типов; в лексикографическом и лингвокультурологическом аспектах рассматривается идеографическое описание диалектной фразеологии; предлагаются лингвокультурологические реконструкции на материале диалектных фразеологических словарей.

Авторы рассматривают фразеологическую абстракцию как «специфическое для ФЕ выражение закономерного абстрагирования фразеологического значения в процессе его становления и функционирования от семантики языковых элементов, образующих материальную форму ФЕ» (с. 97). В связи с этим выделяются следующие основные типы фразеологической абстракции:

1) абстракция от лексических и грамматических значений компонентов ФЕ (*была не была, кровь с молоком, чёрт с ним, хоть шаром покати*);

2) абстракция от исходного значения сочетания слов, являющегося базой фразообразования (*козёл отпущения, втирать очки, бить баклуши*);

3) абстракция от типового значения синтаксической конструкции (*играть на нервах, стоять поперек горла*).

Не вызывает сомнений вывод о том, что именно фразеологическая абстракция, не будучи полной, отличает ФЕ от лексем.

Рассматривая проблему двуязычной репрезентации пословиц и поговорок, В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина анализируют существующие фразеологические словари и приходят к выводу, что такое сопоставление дает возможность «представить не только фрагменты национальных концептосфер, объективируемые данным паремическим материалом, но и широкий спектр сведений страноведче-

ского характера, что позволит использовать словарь как эффективное средство обучения выразительным средствам языка, расширения лингвокультурологического кругозора и социокультурной адаптации иностранцев в новой лингвокультуре (с. 147–148).

В монографии дан краткий обзор основных вех в развитии европейской словарной идеографии от Аристофана Византийского (I в. до н.э.) до западных и российских фразеографов начала XXI в. На примере концепта «Язык/речь» показано, как идеографическая классификация фразеологии может использоваться для лингвокультурологических реконструкций. По утверждению авторов, «идеографическое описание фразеологизмов и анализ их внутренней формы позволит определить наиболее значимые для народного сознания характеристики речи, выявить особенности осмысления языка как системы и диалекта как его территориального варианта, уточнить оценку народным сознанием компонентов языковой способности индивида, что найдет отражение в понятийной структуре реконструируемого концепта» (с. 170).

Принципиально новым направлением является структурирование сферы «Религиозные представления диалектоносителя» при составлении идеографической классификационной схемы для фразеологии псковских говоров с использованием разных источников и материалов картотеки Псковского областного словаря.

Бесспорной удачей следует признать третью главу «Фразеология социальных диалектов в зеркале лексикографии», в которой читатель может познакомиться с трактовкой русской жаргонологии в трудах Б.А. Ларина и с проблемами лексикографической разработки материала социальных диалектов. Авторы обосновывают концепцию сводного фразеологического словаря русских социальных диалектов, формулируют принципы лингвокультурологической расшифровки и лексикографического описания фразеологических образов субстандарта, анализируют фразеологические трансформации в современной речи и их словарные интерпретации.

Предлагаемый авторами термин «жаргонология», по всей видимости, имеет право на существование, поскольку сейчас происходят значительные изменения в городской речи, которые требуют серьезного научного осмысления.

Представители фразеологической школы В.М. Мокиенко из России, Украины и Германии создали огромную сводную картотеку с помощью компьютерной базы данных, являющуюся основой жаргон-

ных словарей (см., например, «Большой словарь русского жаргона» (2000), где описано свыше 25 тыс. слов и 7 тыс. фразеологизмов).

Авторы монографии детально рассматривают лексикографические особенности жаргонных словарей:

1) малого формата: «Босяцкий словарь» Беца (Бец 1903); «Сленг хиппи. Материалы к словарю» Ф.И. Рожанского (1992);

2) среднего формата: «Блатная музыка. (“Жаргон” тюрьмы)» В.Ф. Трахтенберга (1908); «Russisch-Deutsches Wörterbuch des Drogenslangs» Х. Вальтера (2003);

3) большого формата: словари русского блатного воровского жаргона Д.С. Балдаева (1997) и О.Б. Хоменко (1997); «Большой словарь русского жаргона» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (2000); «Словарь русского молодежного сленга» Т.Г. Никитиной (2003).

Как отмечают В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина, «исследования и лексикографическое описание русских социолектов показывают, что за последние полтора века они развивались весьма динамично: от тайных языков и аргос замкнутых социальных групп – к молодёжному жаргону, являющемуся основным ресурсом обновления современной речи и литературного языка» (с. 206). Для описания этих языковых явлений требуется решить множество вопросов, связанных с лексикографическим описанием фразеологических единиц субстандарта (синонимические ряды, идеографические поля, историко-этимологический анализ русских жаргонизмов, семантическая типология аргос и жаргонов различных социальных групп и ареалов).

Коллективом, возглавляемым В.М. Мокиенко, более 20 лет ведется работа по составлению «Сводного фразеологического словаря социальных диалектов» (рабочие названия: «Фразеологический словарь русского жаргона», «Большой словарь жаргонной фразеологии»). Составители предприняли попытку учесть недочеты существующих словарей этого направления, опираясь на следующие характеристики жаргонной идиоматики: тематическая доминантность, повышенный экспрессивный потенциал, особый тип стилистической маркированности, диффузность семантики, профессиональная ориентированность, социолектная избирательность и т.д. (с. 209).

В «Сводном фразеологическом словаре социальных диалектов» предполагается описать не менее 12 тыс. субстандартных выражений, причем не только тождественных, но и близких по семантике, стилистике и структуре.

Включение региональных сленговых фразеологизмов (например, молодежный жаргон Пскова) авторы обосновывают необходимостью «полнее отразить современное состояние русского фразеологического фонда, выявить общерусские способы нового фразеомообразования, региональные фразеологические модели, уникальные, “штучные” мотивировки фразеологических единиц и их социокультурный фон» (с. 216). Приводится такой пример: ПРОСПЕКТ ЛЕННОНА. Шутл. Проспект Ленина в Великих Луках. *Луки – самый битловский город был всегда. И проспект Леннона всегда был, сколько себя помню* [7. С. 33; 8].

Вызывает интерес новое направление в молодежной масс-культуре – урбания – городская уличная культура (брейкинг, граффити, стритбол, скейтбординг, агрессивные ролики и велоэкстрим), что находит отражение во фразеологических единицах с субкультурным компонентом семантики.

При этом большая часть ФЕ молодежного жаргона обозначает не новые явления культуры, а традиционные для фразеологии понятия темы «Человек»: физические качества, физиологические процессы, умственные способности, эмоциональные состояния, черты характера, физические действия, трудовые процессы (с. 226).

Согласно концепции «Сводного фразеологического словаря социальных диалектов», это “переводной” словарь – с литературного русского языка на сленг. Под темами (их более 800) в алфавитном порядке располагается материал, заданный нормативными лексемами литературного языка. Под темой-рубрикой также в алфавитном порядке группируются сленговые эквиваленты заголовка – слова и фразеологические единицы, которые описываются в отдельных микростатьях. Например, в макростатье БЕЗДЕЛЬНИЧАТЬ объединены общемолодежные сленгизмы *балдеть, болеть илангитом, валять (катать) муму, гонять (валять, пинать) балду, гонять вальта, гонять дуру, гаситься, делать дурочку, зависать* и т.п.

Для описания жаргонной фразеологической номинации в профессиональных сферах авторы монографии предлагают следующую схему:

А. Работник, специалист, его качества, действия (*скорая помощь (морск.) – ‘буфетчица’*; у работников радио и телевидения: *сломать тему – ‘коснуться нового аспекта, изменить тему в ходе интервью’*);

Б. Место работы (у моряков: *тюлькин флот – ‘рыболовный флот’*; у шоферов: *венгерская колбаса (длинный автобус “Икарус”)*);

В. Инструменты, орудия труда (у музыкантов: *самогонный аппарат (валторна)*);

Г. Продукты труда (в сфере кино, телевидения: *вазелиновое кино – ‘кадры, снятые с фильтром, размывающим изображение’*; у музыкантов: шутливые названия музыкальных произведений, например “*Кальсоны белуги*” (оперная тетралогия Р. Вагнера “*Кольцо Нибелунгов*”).

Особую ценность представляет последний раздел, посвященный современным трансформациям фразеологических единиц (трансформам), оперативно отражающим социокультурные изменения (с. 259–268). Иначе такие трансформации называются «антипословицы»: *Что русскому здорово, то немцу смерть* → *Что рублю здорово, то доллару – смерть*; *Что Америке здорово, то Евросоюзу смерть*; *Что для «Автодора» – смерть, для Chrysler – здорово* и др. [8. С. 202–203].

В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина блестяще раскрывают возможности лексикографической репрезентации современных трансформаций крылатики и социокультурного фона трансформов крылатых выражений на примере популярного выражения, связанного с псковским регионом, – *мы пскопские/псковские* (с. 262–268). Авторы приходят к заключению, что «представленная концепция словарной репрезентации афористики с учетом функционирования крылатых выражений в современной разговорной речи и медиатексте позволит показать в словарной статье структурно-семантические трансформации афоризмов, их новые семантические нюансы, динамику ситуативных и ареальных характеристик. Этимологические комментарии повысят лингвокультурологическую ценность словаря, раскроют национальный и региональный культурный-исторический фон происхождения крылатых выражений, а актуальные примеры употребления отразят их современные социокультурные условия функционирования» (с. 268).

Нисколько не умаляя достоинств рецензируемой монографии, отметим, однако, что ее структура не всегда отражает логику изложения. Так, на наш взгляд, концептуальные положения Б.А. Ларина можно было бы представить в одном разделе. Но полет талантливой мысли авторов бесценного труда неисповедим, а мы, зачарованные читатели, взлетаем вместе с ними...

Заслуживает уважения и восхищения список источников, который включает 569 наименований на английском, белорусском, болгарском, венгерском, испанском, немецком, польском, русском, словен-

ском, украинском, хорватском, чешском языках. Такая обширная библиография может оказать помощь в исследовательской работе не только начинающих фразеологов, но и маститых ученых.

Отрадно отметить, что проект «Русская народная фразеология в лексикографическом освещении (принципы и разработка “Полного фразеологического словаря русских народных говоров”», участниками которого являются В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина, реализуется в Санкт-Петербургском государственном университете при поддержке Российского научного фонда.

Безусловно, монография В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной станет настоящим подарком не только для филологов, но и для всех, кому небезразлична русская фразеология и лексикография.

Литература

1. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4 000 единиц. М. : АСТ: Астрель : Русские словари, 2005. 623 с.

2. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь народных сравнений. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.

3. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. 3-е изд., испр. и доп. М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. 767 с.

4. Мелерович А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. Ярославль : Костромской пед. ин-т, 1979. 80 с.

5. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М. : Просвещение, 1978. 160 с.

6. Бирих А.К., Волков С.С., Никитина Т.Г. Словарь русской фразеологической терминологии / под ред. проф. В.М. Мокиенко, herausgegeben von A. Bierich. München : Verlag Otto Sagner, 1993. 136 S.

7. Никитина Т.Г., Роголёва Е.И. Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область). М. : ЭЛПИС, 2006. 384 с.

8. Reznikov A. Modern Russian Anti-Proverb. Burlington, Vermont : «Proverbium» in cooperation with the Department of German and Russian; The University of Vermont, 2009. 179 p.

Н.Л. Федотова, Б.Н. Коваленко

Book Review: Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2019) *Russkaya Dialektnaya Frazheografiya: Differentsial'nye i Polnye Slovarei* [Russian Dialect Phraseography: Differential and Complete Dictionaries]. Saint Petersburg; Greifswald: Saint Petersburg State University; Universität Greifswald

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 18, pp. 199–211.

DOI: 10.17223/22274200/18/11

Nina L. Fedotova, Boris N. Kovalenko, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: n.fedotova@spbu.ru / borisspb@mail.ru / b.kovalenko@spbu.ru

References

1. Berkov, V.P., Mokienko, V.M. & Shulezhkova, S.G. (2005). *Bol'shoy slovar' krylatykh slov russkogo yazyka: ok. 4000 yedinit* [Large dictionary of winged words of the Russian language: approx. 4,000 units]. Moscow: AST: Astrel: Russkiye slovari.
2. Mokiienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2008). *Bol'shoy slovar' narodnykh sravneniy* [A large dictionary of folk comparisons]. Moscow: OLMA Media Group.
3. Balakay, A.G. (2007). *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of Russian speech etiquette]. 3rd ed. Rev. and add. Moscow: Astrel: AST: Khranitel.
4. Melerovich, A.M. (1979). *Problema semanticheskogo analiza frazeologicheskikh yedinit sovremennogo russkogo yazyka* [The problem of semantic analysis of phraseological units of the modern Russian language]. Yaroslavl: Kostroma Pedagogical Institute.
5. Zhukov, V.P. (1978). *Semantika frazeologicheskikh oborotov* [Semantics of phraseological units]. Moscow: Prosveshchenie.
6. Birikh, A.K., Volkov, S.S. & Nikitina, T.G. (1993). *Slovar' russkoy frazeologicheskoy terminologii* [Dictionary of Russian phraseological terminology]. München: Verlag Otto Sagner.
7. Nikitina, T.G. & Rogaleva, E.I. (2006). *Regional'nyy slovar' slenga (Pskov i Pskovskaya oblast')* [Regional Slang Dictionary (Pskov and Pskov Oblast)]. Moscow: ООО "Izdatel'stvo ELPIS".
8. Reznikov, A. (2009). *Modern Russian Anti-Proverb. Burlington*. Vermont: "Proverbium" in cooperation with the Department of German and Russian, The University of Vermont.